

5 (18) августа

Мученицы

Евдокия Шейкова, Дария Тимагина, Дария Улыбина и Мария Неизвестная

Блаженная Евдокия Шейкова была прославлена Церковью по образу своей кончины как мученица, но в своей жизни она несла подвиг Христа ради юродства. Исследователь подвига Христа ради юродивых священник Иоанн Ковальский писал в своей книге об этом редком и удивительном подвиге: «„Юродство Христа ради составляет столь редкий, столь трудный и вместе с тем столь высокий христианский подвиг, на который призываются Господом Богом только особенные избранники и избранницы, сильные телом и духом“. <...>

Взирая на образ жизни Христа ради юродивых, можно подумать, что это несчастные, осуждённые влачить горькую участь безумия. Пренебрегая общепринятыми обычаями мира, не соображаясь с законами общества гражданского, в некоторых случаях и самые постановления Церкви, по-видимому, не могли привести их (юродивых) к обыкновенному порядку жизни. Это были как бы пришельцы из другого мира, не считавшие для себя нужным знать и делать то, что, по общему мнению, составляет необходимую принадлежность жизни земной. Живя в теле, они считали себя как бы бесплотными или в чужом теле. Подобно божественному Павлу, восхищенному в вожденное, горнее своё отечество, и они могли сказать о себе: *еще в теле или вне тела, – не вемы* (2 Кор. 12: 3): пища, одежда, жилище, казалось, не составляли для них существенной потребности и необходимой жизненной принадлежности. <...> Одеждой для них служило ветхое, раздранное рубище, но нередко отлагали они и этот бедный покров своей наготы. <...>

„Тяжело и больно смотреть на человека лишённого ума – на безумного: света – разума там не светится; по характеру действий безумный не отличается от неразумного животного. Но несравненно тяжелее для сердца чувствительного человека смотреть на юродивых. Это не те несчастные умалишённые, которые проводят скорбную жизнь, может быть, без всякого сознания, большей частью начиная и оканчивая её под покровом милосердия и сострадания. Пусть он представит себе людей с полным самосознанием, почти всеми оставленных и отверженных, пусть подумает, какие трудности предстояли им на поприще их жизни. Живя в обществе, они были не менее одиноки, как и живущие в диких пустынях; их души, исполненные высокими мыслями, святыми чувствами, с обетом юродства, до конца жизни, большей частью, закрыты были для других“. При таком исключительном образе жизни, быть может, не каждому из них случалось в течение всей жизни найти человека, которому бы можно было открыть свою душу, высказать свои чувства, обменяться мыслями и тем обнаружить, что он не тот, каким его считают, что он знает Бога, знает присных о Христе и молится за них. <...>

Путь юродства чрезвычайно трудный и опасный путь. Как, подражая иногда безрассудству людей самых низких, сохранить дух всегда возвышенный, стремящийся к Богу, – постоянно ругаясь миру, обнимать однако же всех совершенною любовью?! Наконец, как удержать себя от духовной гордости тому, кто, перенося столько оскорблений и лишений, сознаёт, что всё это терпит он

невинно и что он совсем не таков, каким его считают многие. Это произвольное, постоянное мученичество, это постоянная брань против себя, против мира и дьявола и притом борьба – самая трудная и жестокая. Это крестоносцы по преимуществу, так как по доброй воле, по собственному избранию, единственно из любви к Богу и ближним, несли самый трудный и тяжелый крест».

Трудность понимания подвига блаженной Евдокии заключается в том, что она всецело жила в мире духовном и смотрела на этот земной мир из мира горнего, в отличие от многих из нас, кто смотрит на этот мир душевно, а не духовно и потому не может и согласить в своём разуме душевное с духовным. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно. Но духовный судит о всём, а о нём судить никто не может» (1 Кор. 2: 14–15). Душа блаженной была переполнена любовью к Богу и ближним, и потому вся её жизнь и даже жизнь её послушниц по её молитвам проходила в окружении святых. Для Евдокии мир духовный, горний был совершенно открыт, перед ней стояла лишь одна задача – прийти туда, и для этого она готова была сколь нужно долго и тяжело страдать на земле, так как хорошо видела разницу между миром земным и небесным, которые находятся между собой в значительно большем различии, нежели вершина горы и пропасть под ней. Её жизнь проходила как бы в обратной перспективе, когда центром её жизни был стоявший за нею Господь, а на переднем плане – земная видимая жизнь.

Размышляя над жизнью блаженной мученицы Евдокии и её послушниц, мы не сможем сделать тех или иных рациональных выводов из сказанных ею слов или поступков. Но мы можем в благоговении созерцать явленное в ней чудо совершенной духовной жизни и молиться ей о заступничестве и помощи нам. Не следует забывать и то, что исполнение заповедей Христовых есть всегда юродство, их невозможно исполнить, если не перейти грань между столь почитаемым людьми здравым смыслом и полаганием всей своей жизни на Промысл Божий, невзирая на видимые препятствия, осуждающие взгляды окружающих людей и т.п. Бездуховным миром Христос будет всегда осуждаться, а верность Христу в глазах мира сего – всегда будет восприниматься безумием.

Мученица Евдокия^а родилась 11 февраля 1856 года в селе Страхова Пуза^б Ардатовского уезда Нижегородской губернии в семье крепостных крестьян помещиков Степановых. Отец её, Александр Иванович, родился 20 августа 1820 года в семье крестьянина Ивана Егоровича, мать – Александра родилась 14 марта 1834 года в семье крестьян Егора Ефимовича и Ирины Романовны. Александр Иванович и Александра Егоровна обвенчались 7 февраля 1854 года, поручителями их были крестьяне того же села Иван Алексеев, Матвей и Пётр Ивановы и братья Александры Егоровны – Захар и Михаил.

Большое село Страхова Пуза было тогда многолюдным, приход состоял из более чем двух тысяч прихожан. Поместительный Успенский каменный храм с приделами в честь праздников Сошествия Святого Духа и архангела Михаила был выстроен в 1847 году. Священником здесь служил с 1877-го по 1923 год Василий Андреевич Радугин.

^а Основным источником сведений о мученице Евдокии и её послушницах – «хожалках» – является рукопись Валентины Долгановой: «Житие блаженной старицы Евдокии Шейковой, убиенной 5 августа 1919 года в селе Пуза», написанная ею по преимуществу со слов Пелагеи, одной из оставшихся в живых послушниц блаженной.

^б Ныне село Суворово Дивеевского района Нижегородской области.

Церковь Успения Пресвятой Богородицы

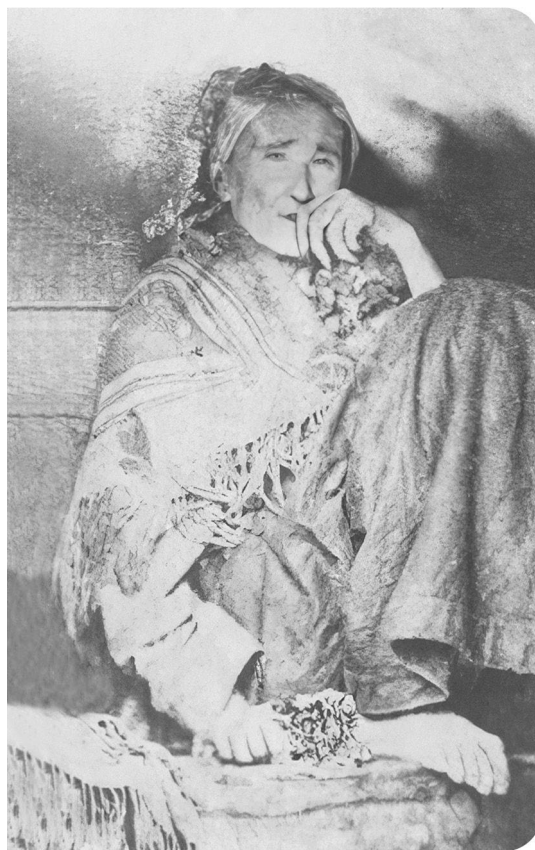
Мать Евдокии, Александра Егоровна, скончалась, когда девочке было два года, и отец женился ещё раз. Но вскоре скончался и он. И Евдокия поселилась у дяди, Захара Егоровича Шейкова. Захар Егорович родился 7 февраля 1829 года и в 1850 году обвенчался с восемнадцатилетней крестьянкой Агафьей Кондратьевной, но спустя пять лет супруга его умерла от туберкулёза, и больше он не женился. В 1890 году Захар Егорович был избран старостой Успенского храма. Хотя собственных сбережений у него не было, но, благодаря его попечению о церковном благолепии, его стараниями была возобновлена настенная роспись в теплой, отапливаемой зимой части храма и в холодной – летней. В 1900 году епископ Нижегородский и Арзамасский Владимир (Никольский) наградил его грамотой «за ревностное и долговременное прохождение должности церковного старосты». По всей видимости Захар Егорович скончался в 1918 году на девяностом году жизни.

Дядя Евдокии и в храме, и дома усердно и много молился. Благодаря ему, девочка выучила наизусть многие молитвы и научилась церковному пению; ни в чём больше впоследствии она не находила удовлетворения, как в пении молитв. Со временем она подружилась с благочестивой девочкой по имени Мария, вдвоем они ходили в Успенский храм в родном селе, в Саровскую пустынь, в Серафимов-Дивеевский монастырь и в расположенные поблизости от них скиты. В Саровской пустыни старец, которого они тогда посетили, благословил их держаться друг друга. Они и молились, и на работу шли вместе. Мария жнёт, а Евдокия молитвы поёт – Мария не допускала Евдокию до работы из-за её болезненного состояния.

Посещали они в Дивееве и блаженную Пелагию Ивановну^с. Как-то подойдя к дому, где жила блаженная, Евдокия долго смотрела, как та кормила голубей.

^с Блаженная Пелагия Дивеевская (Пелагия Ивановна Серебренникова; 1807–1884); память 30 января / 12 февраля.

Увидев нищенский вид сироты, послушницы блаженной стали её гнать, говоря: «Отойди, рваница, не пугай голубей!» Евдокия заплакала и бросила голубям специально для них припасённый ею кусочек хлеба. А Пелагия Ивановна строго заметила послушницам: «Что вы от меня её гоните? Ведите её и накормите». Послушницы по её слову накормили отроковицу.

Блаженная Пелагия Ивановна

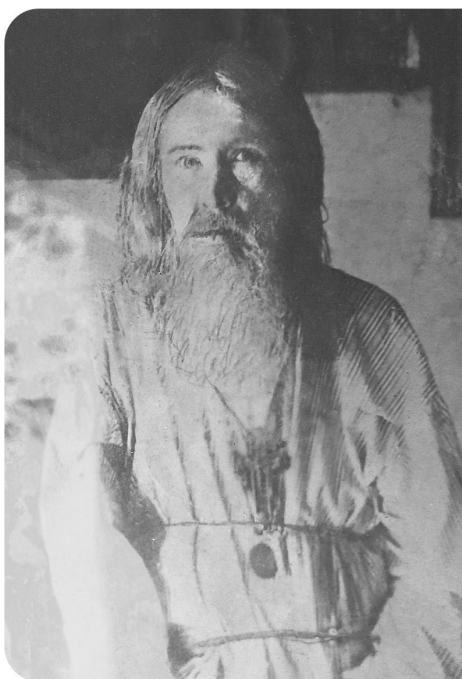
Когда Евдокии было около двадцати лет, Мария скончалась, и Евдокия уже одна ходила в церковь. Грубоватые жители села, бывало, бросали в девушек камни, а когда Мария умерла, то преследовали уже Евдокию, так что ей от местных жителей не было прохода, и она всё чаще стала ходить к заказным обедням, когда в храме было не так много людей.

В двадцать лет Евдокия стала сильно болеть и уже ходила, опираясь на палку, а дома часто присаживалась на стул, так как силы оставляли её. Она и печку топила сидя. Впоследствии к Евдокии стали приходить помогать две девушки. Одну из них звали Елена, она стала топить печь в её доме. Однажды во время святок Евдокия сильнее обычного расхворалась и закричала: «Умру, у меня жар!» Девушки вынесли её во двор и вылили на неё два ведра холодной воды. «Несите меня в келью», – сказала Евдокия. Они внесли её в дом и положили на лавку – с этого дня Евдокия перестала вставать с постели.

Один из первых её жизнеописателей, игумен Варсонофий (Хайбулин), писал: «Что это была за болезнь – никто не знает, но все говорят, что Дуня была великой страдальцей. <...> Несколько семей в селе постоянно заботились о Дуне, приносили ей пищу. В нашем православном народе такие страдальцы окружены бывают особым почитанием. И не столько из сострадания, сколько от глубокой сердечной веры в то, что этих кротких страдальцев с прекрасными светозарными

лицами Бог непременно соделывает сосудами благодати Своей, носителями чрезвычайных благодатных даров Святого Духа. Такая же слава ходила и о Дуне; к ней часто приходили и издалека приезжали искавшие духовного назидания и утешения».

Постелью для Евдокии служила ветхая одежда, превращавшаяся со временем в тряпье; под головой у неё лежал веник без листьев, который ей когда-то передал монах Иоанн Ардатовский^d. На веник были постланы две портянки – это была её «подушка». На постели лежали два худых зипуна, один зипун был накинут на её плечи, а другим накрыта голова. Когда к ней приходили люди, то она закрывала им и лицо. Укрывалась она тулупом, когда тулуп истлевал, его клали на постель. И так было круглый год, ничем другим она не позволяла себя накрывать. И на жару, и на холод у Евдокии была одна и та же одежда. Ситцевой одежды она не носила от юности, рубаха у неё была из тканного полотна, льняная; когда она истлевала, Евдокия клала её на постель, и сарафан тоже, когда он истлевал. Пояса она носила всю жизнь одинаковые – шерстяные, голубые с беленькой серединой. И если ей не дадут такой пояс, то она и совсем не подпояшется. Шаль у неё была шерстяная, и всё было шерстяное, кроме рубахи и носового платка, который был ситцевым. На ногах она носила длинные шерстяные чулки. Бывало, что послушницы уносили истлевшую одежду и прятали, и тогда Евдокия начинала плакать и сутки-двое требовала: «Дай мне рубаху». Волосы Евдокия от юности не стригла и ногтей на руках и ногах не давала стричь, а если заденут неловко, то она заплачет от боли, а срезать не даёт. Если ноготь отваливался, она его подбирала и клала себе на постель. Когда ушко от креста отломится, крест потеряется, она начнёт плакать – и молиться без креста не хочет, и новый не берёт. «Найдите мне этот крест», – говорит. Только его найдут и привяжут, а на другой день он снова мог потеряться.

Монах Иоанн (Лавров)

^d Монах Иоанн (в мире Иван Егорович Лавров) родился в середине XIX века в селе Селякино Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Насельник Свято-Успенской Саровской пустыни. В начале XX века поселился у своих духовных детей в селе Ризадееве Ардатовского уезда.

Вскоре ей стала помогать Анастасия, дочь богатых родителей. Она часто болела и, пробыв у Евдокии несколько лет, стала ещё больше хворать. Евдокия ей говорила: «Отвыкай есть каравай, привыкай к кусочкам». Анастасия дала обещание Богу никогда и ни на кого не раздражаться, к чему трудности жизни у блаженной и её собственные болезни подавали множество поводов. Евдокия взяла к себе жить Анастасию из-за её кротости, она и умерла с улыбкой на губах, прожив у неё пятнадцать лет. В последние три года перед её кончиной стала приходить помогать Дарья Тимагина. А когда Анастасия умерла, иеромонах Анатолий Саровский^е благословил Дарью уже постоянно жить у блаженной.

Иеромонах Анатолий (Петров)

Мученица Дария родилась 16 марта 1879 года в селе Страхова Пуза в семье крестьян Степана Ивановича и Анастасии Григорьевны Тимагиных и на следующий день была крещена в Успенском храме священником Василием Радугиным. Восприемниками младенца Дарьи были её брат Георгий Степанович и девица Агафья Степановна.

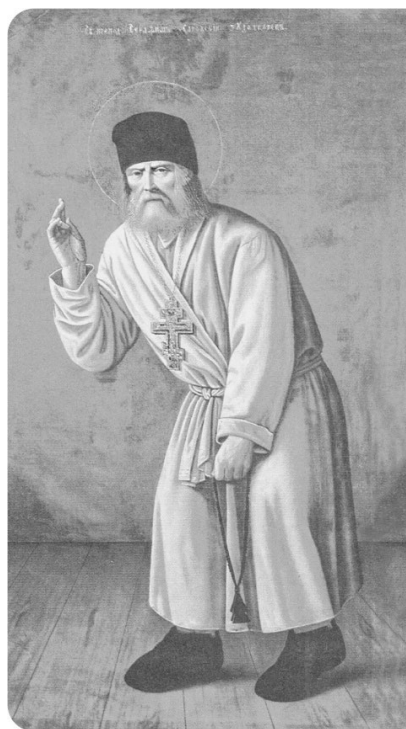
Родители Дарьи были неверующими и, опасаясь, что она уйдет в монастырь, подыскивали ей жениха. Но Дарья убежала от них к Евдокии. Узнав об этом, родители за волосы вытащили её из кельи блаженной, сильно при этом избив. Они нашли ей нового жениха. Однако и на этот раз Дарья убежала к подвижнице. И, в конце

^е Иеромонах Анатолий, впоследствии иеросхимонах Василий (в мире Андрей Петрович Петров), насельник Свято-Успенской Саровской пустыни.

концов, родители с этим смирились. Двадцать лет она не выходила из дома блаженной, причащаясь Святых Христовых Таин вместе с Евдокией, которую приходил причащать священник Успенского храма Василий Радугин. Никаких плотских искушений у Дарьи не было, только очень её донимал сон, который она никак не могла побороть. Она из-за этого плакала и просила отцу Анатолию сказать: «Погибаю я, всё сплю». Отец Анатолий на это ответил: «Спи, а то ты не сможешь больной служить». Дарья была большой постницей, и с ней не было у блаженной никаких искушений. А вот спать она могла, даже стоя. От блаженной она всё терпела. И когда та её ругала, она только радовалась. Когда сестра Дарьи приходила к ним в дом и хотела пообщаться с ней наедине, то блаженная, как это бывало в древних обителях, никогда не разрешала им разговаривать потихоньку между собой, а велела говорить всё вслух, открыто. Дух Дарьи непрестанно горел любовью к Богу. Было ей сорок лет, когда её расстреляли.

Со временем к Евдокии стали приходиться благочестивые девушки – петь и читать стихиры, тропари, кондаки и акафисты, и постепенно у них сложилось молитвенное правило. Ни в чём другом не получала такого утешения блаженная, как в пении и чтении молитв. Евдокия не умела писать, но хорошо читала и пела. Из книг она по большей части читала жития святых.

Евдокии очень хотелось, чтобы у неё была грамотная келейница, которая могла бы хорошо читать и петь по книгам. Отец Анатолий благословил к ней жить Анну; она была грамотная и хорошо знала церковный устав. Когда она поселилась у блаженной, ей было двадцать три года, она прожила здесь восемнадцать лет. До прихода к блаженной Анна проводила «весёлую» жизнь, привычка к которой оставалась у неё в первое время жизни и здесь. Попросит её Евдокия помыть полы, а она скажет: «Вели мне поплясать». И блаженная позволит. Она украдкой от Евдокии читала романы. Дарья это увидела и рассказала блаженной. В ответ Аннушка стала плакать и жаловаться: «Что же мне, Дуня, делать? Мне скучно, я убегу...»

Преподобный Серафим Саровский

И той же ночью приснился ей сон: она увидела себя в понетаевской^f церкви, увидела преподобного Серафима. Она подошла к нему и поклонилась в ноги; он её благословил и, дав ей сухарик, сказал: «Ах ты, бездельница! Вот я тебе дам дело – иди, нянчи моих детей». И он взял её за руку и повёл в келью, где стояли две люльки, в которых лежали две маленькие девочки, и сказал: «Нянчи их». И ушёл. Анна стала их нянчить, а они стали плакать. Она хотела было бежать, подошла к двери – а вместо двери стена, выйти нельзя. На этом месте Анна проснулась. Она рассказала Евдокии свой сон. На это блаженная сказала: «Эти девочки – мы с Дашей», и уговорила Анну остаться, велев ей усердней молиться Царице Небесной.

Однажды Анна взяла у блаженной сверток, думая, что это завернутая в бумагу рыба. А оказалось, чайник. Когда она вошла в келью, Евдокия сказала: «Анна, дай мне рыбки-то». Анна упала ей в ноги и попросила прощения: «Дуня, прости!» Блаженная ей на это ответила: «Больше не воруй».

Был случай, когда Анна взяла из дома блаженной всё, что под силу было унести, и блаженная послала за ней: «Воротите Анну». Она вернулась и вновь попросила у блаженной прощения, но впоследствии не сдержала данного ею обещания не красть. Прожила она у Евдокии семь лет, когда родственники переманили её, и она вернулась домой. Ушла она ночью, украв у Евдокии всё, что смогла унести, и в своё оправдание сказала: «Тебе за это будет спасение». Родители, увидев принесённое, обрадовались, а мать сказала: «Вот, доченька, будем с тобою жить». Но Анна, живя у родителей, стала тосковать и через год стала просить их, чтобы они отпустили её жить к Евдокии. Они не отпустили, и тогда она ушла от них ночью.

Подойдя к дому блаженной, Анна увидела, что дверь в дом открыта. Она вошла, подошла к постели блаженной и, плача, упала перед ней. Глядя на неё, заплакали и Евдокия с Дарьей.

Блаженная простила её и сказала: «Это тебя враг рода человеческого научил». Но Анна с этим не согласилась и обвинила во всём Евдокию. И как только она это сказала, то упала без сознания. Блаженная, глядя на неё, заплакала. Трое суток враг рода человеческого мучил Анну, пока блаженная не дала ей сухарей. По молитвам блаженной она исцелилась и стала подвизаться по-прежнему.

Однажды Анна пошла на колодец за водой. Была зима, стоял сильный мороз, а вёдра у Анны были худые. Наберёт она воду в ведро, а из него всё вытекает. И стала Анна браниться и ругать Евдокию: «Подавись тебе, жадная, не починишь мне вёдра». И в эту ночь ей приснился чудный сон. Увидела она прекрасный сад, листья на деревьях большие, нигде она таких не видела. Цветы белые, синие и красные, каких она тоже никогда не видела. В саду церковь стоит с золотыми главами, над ними светит солнце, а внизу трава по пояс. И повсюду в воздухе разлито благоухание. Хотела она в этот сад войти, но увидела в траве змей, а ноги у неё были босые. А ей так хотелось войти... И хотела она обуться, но с тем и проснулась.

Однажды во время утреннего правила блаженная задремала и увидела сон, и через четыре дня рассказала, что видела. «Кто у меня поёт, – сказала она, – все стоят с букетами в руках, и у кого розы – белые, розовые и даже голубые, у кого можжевельник, и у всех ветви, кто приходил ко мне; у Анны книга с золотыми буквами, а Поля с Дашей стоят около меня с сухими прутьями, они не молятся». Так она их смиряла.

^f Имеется в виду храм, находившийся в селе Понетаевка.

Мученица Мария, одна из послушниц блаженной, по национальности была мордовкой. Она была замужем, любила своего мужа, и тот её очень любил. Как-то она тяжело расхворалась, у неё заболела нога, и это продолжалось несколько лет. В конце концов Мария попала в больницу. Рядом с ней в палате лежала пожилая женщина, которая часто призывала в молитвах святителя Николая Чудотворца. Мария, услышав, как та призывает святителя, и сама стала просить его о помощи. И ей явился святитель Николай и исцелил её от болезни. Она в ответ дала обет странствовать по святым местам, но когда приехала домой к мужу, то забыла о своём обещании. И ей снова явился святитель и спросил: «Ты что это забыла своё обещание?» Тогда она стала просить мужа, чтобы он оформил ей паспорт, без которого её могла задержать полиция. Он долго отказывался, говоря: «Ты не придёшь». Мария стала убеждать его, что вернётся. Муж выправил ей паспорт, и она стала странствовать. Она посетила Саровскую пустынь и Дивеевский монастырь, посетила и блаженную Евдокию. И пришла ей мысль навсегда остаться жить у блаженной. И тогда ей снова явился святитель Николай и сказал: «Иди к Дуне жить». До Пасхи она пожила у Евдокии, но затем всё же ушла жить к одной женщине. Та спросила её: «Ты что ушла?» – «Голодно, я и ушла», – ответила Мария. В ту же ночь ей явился святитель и сказал: «Зачем ты ушла? Ступай, ступай и ступай», – повторил он трижды. Наутро Мария собралась и с этого времени уже окончательно поселилась у Евдокии.

Мария прожила у блаженной семь лет и была смиренной, как малый ребёнок. Она говорила блаженной: «У тебя подвиг, а ты терпи, ты уж лежи». Мария любила сладкое и, бывало, брала что-нибудь сладкое без спроса. Блаженная скажет: «Маша, на что воруеть и ешь?» – «Хватит нам и лошадям, Дунюшка», – ответит та.

Пошла Мария однажды в Саров, потихоньку взяв у Евдокии денег. Накупила она конфет и орехов и всю дорогу кормила ими Варвариных детей, Анну и Михаила⁸, говоря: «Ешьте, ешьте, у нас Христос богатый, каждый день нам даёт». Когда дети пришли к Евдокии, та их спросила: «Чем вас, Машенька, кормила?» – «Орехами, конфетами и белым хлебом», – ответили они. «Ах, мордовская воровка!» – воскликнула Евдокия. В ответ на это Мария сказала: «Плохо я их тебе, чай, накормила? У Варварушки нашей ты бы спросила. Я молюсь, молюсь, а тебе всё мало». – «Машенька, больше не воруй». А Мария в ответ: «Христос будет посылать, всегда буду воровать. Ты Ему скажи, чтобы Он не посылал. Тебе это кто дал? Христос дал». Евдокия на это сказала: «Ты моё взяла». – «Откуда ты знаешь, что твоё? Я Богу молюсь разве напрасно?» – спросила Мария. Когда Мария готовила еду, то всегда старалась масла положить побольше. «Зачем ты это Мария?» – спрашивала её Евдокия. «Чай, посытнее. Люди сколько раз поели, а мы ещё нет», – отвечала та.

Мария ради Бога оставила мужа, которого очень любила. И муж её любил и долго искал. Зная это, она никому не говорила о своём происхождении и не называла своей фамилии. И ни муж, ни родные так и не узнали, где она находилась. В последний год жизни у неё снова разболелась нога, так что она стала заметно прихрамывать и даже иногда передвигаться с трудом. Перед казнью Мария была совершенно спокойна и безмятежна, хотя определённо знала, что её расстреляют. Но это было время награды, которую она долго ждала. Мученический подвиг лишь завершал её многотрудную жизнь.

⁸ Имеются в виду дети Варвары, родной сестры хожалки блаженной, Пелагеи.

Мученица Дария была последней из пришедших к блаженной послушниц. Она родилась 6 марта 1881 года в селе Сиуха Арманихинской волости Нижегородского уезда^h в семье крестьян Дмитрия Васильевича и Марии Андреевны Улыбиных и на другой день была крещена в честь мученицы Дарии, память которой праздновалась 19 марта. Восприемниками при крещении были крестьяне того же села Павел Петрович Шевелев и Марфа Алексеевна Шахнина. В селе Сиуха находились пожертвованные Серафимо-Дивеевскому монастырю земля, две мельницы и хозяйственные постройки. Дарья усердно творила Иисусову молитву и, когда ещё жила дома, прочитывала без отдыха всю Псалтирь до конца. Прожила она у блаженной около шести лет; расстреляли её, когда ей было тридцать восемь лет.

Распорядок жизни у блаженной был примерно такой. Умывалась Евдокия всегда водой, которая была налита в чугунок и стояла в печи иногда по неделе и больше, и потому вода в чугунке была всегда теплой. Дарье, которая ей помогала, Евдокия обычно велела первой умыться и помолиться, ограждая всё крестным знамением.

Молитвенное правило у них было такое. Ежедневно они пели стихиры Владимирской иконе Божией Матери, которые начинали петь в 8 часов вечера. Кроме стихир пели тропари и кондаки святым и Божией Матери. По вторникам пели стихиры с акафистом Иверской иконе Божией Матери, и вся служба продолжалась до полуночи. В этот день блаженную обычно посещало много народа. Утром они начинали молитвенное правило в 5 часов, но иногда по немощи – в 6 часов. Молились они до 12 часов дня. Читали Псалтирь, Евангелие, каноны, акафисты, молились с поклонами. Утреннее правило блаженная разделяла на части, между ними было по 20 минут отдыха. Если приходили посетители во время отдыха, то блаженная велела их впустить, а во время чтения правила никого не пускала.

После окончания правила блаженную усаживали лицом к иконам, она просила вымыть ей руки и молилась про себя ещё полчаса. После этого пели Символ веры, молитвы «Отче наш...», Кресту: «Крест хранитель всея вселенныя...», Богородице: «Достойно есть...», тропари Казанской иконе Божией Матери: «Заступнице усердная...», иконе Божией Матери «Знамение»: «Яко неборимую стену и источник чудес...» и иконе Божией Матери «Умиление». Во время пения выносили просфоры и Евдокии давали раздробленные просфоры, а послушницам по целой. Блаженной подавали три просфоры: из Сарова, Понетаевки и Дивеева. Просфору для блаженной разрезали пополам, одну половину уносили обратно, а другую вновь разрезали пополам, и половину она отдавала послушнице, которая в этот день ей помогала. В блюдечко наливали крещенской воды. Она клала просфоры в блюдечко, ставила на стол и говорила: «Христос воскрес!» Затем опять пели тропари Кресту, преподобному Серафиму Саровскому, святителю Николаю и Пресвятой Богородице. После чего Евдокия ела просфору, запивая крещенской водой, оставляя в блюде для той, которая ей помогала. Послушницы в это время ели просфоры. Затем лампы гасили и блаженную вновь укладывали на постель.

Чётки у неё были всегда одинаковые, шерстяные. Во время молитвы по чёткам блаженная держала рядом с собой моток льняных ниток и, пройдя круг по чёткам, делала на нитках петлю, потом снова молилась и снова делала петлю, и так

^h Ныне село Сиуха Дальнеконстантиновского района Нижегородской области.

четыре петли. Потом она связывала эти петли крестообразно узлом и затыкала за пояс – это означало, что молитву она окончила и её можно посадить. Когда её поднимали, чтобы посадить на постели, она все стены ограждала крестным знаменем, говоря: «Огради, Господи, силою Честного и Животворящего Твоего Креста». Если в то время, когда она молилась или потребляла просфору, приходил посетитель, то послушницы дверь не открывали, а только просили, чтобы он не сходил с крыльца, а стоял лицом к храму и молился.

После окончания правила послушницы расходились кто куда – кто чай пить, кто, положив три поклона, на колодец за водой. Воду из колодца доставали колесом, что было нелегко. А блаженная только и скажет: «Тверди Богородицу и иди ни с кем не говори...» Поначалу, чтобы избежать насмешек из-за постоянно произносимой вслух молитвы, за водой ходили по ночам, но впоследствии стали ходить и днём. Достав из колодца воду, нужно было по благословению блаженной оградить всё крестным знаменем, а перед этим хорошо ополоснуть ведро, и если кто застанет за совершением молитвы или крестного знамения, то не стыдиться, а молча идти домой.

Были и другие ограничения для послушниц блаженной, когда они шли за водой на колодец. Если им навстречу несли покойника или по почившем ударяли в колокол, или встречался человек с топором или с косой, или падаль на дороге попадалась, то тогда, хотя бы и до крыльца дома воду донесли, нужно было её вылить на землю и снова идти наливать. И чтобы дорогой ни случилось, Евдокия не велела ничего скрывать.

Принеся воду, надо было сделать двенадцать поклонов с молитвой Пресвятой Богородице и после этого благословиться у блаженной ставить самовар, который сначала нужно было оградить крестным знаменем, ополоснуть, закрыть крышкой, положить в него угли и зажечь их от свечи. Когда из самовара начинал подниматься пар, блаженная велела в молчании ставить его на стол. Затем послушницы клали ладан в трубу самовара, заваривали чай и ставили заварочный чайник на самовар.

В это время для Евдокии отрезали хлеб. И, бывало, много ей хлеба нарежут, целую стопу, от всякого каравая; она каждый кусок оградит крестным знаменем и все эти куски сложит в платок, и положит его на постель, оставив себе лишь кусок ржаного хлеба, от которого съедала только малую часть. Сложенные вместе куски, после шести недель она клала себе под спину и на этих сухарях, которые впивались в её тело, спала. Впоследствии из этого хлеба вырастали на постели целые вороха, он зеленел и под ним заводились мыши и черви.

Перед чаем блаженная разрезала огурец и съедала два кружочка или гриб солёный, или кусочек пирога, если кто приносил. За чаем она сидела часа полтора и требовала, чтобы кипел самовар, а выпивала за всё это время чашку с небольшим. Налют ей чашку, она скажет: «Холодна». Налют другую, скажет: «Горяча». И так было всегда. Послушницы, бывало, уже начинали роптать на неё из-за того, что народ жалуется, что долго не пускают.

Картошку послушницы мыли во дворе холодной водой, какая бы погода ни была, хотя бы и ледышки в воде плавали, и обязательно в трёх водах. Крупы блаженная не велела мыть руками, а ложечкой и солить также из ложечки, а не рукой.

Пищу невозможно было варить в печи, не отворив дверь в сени, потому что дым весь шёл в дом, причём, заслонку в трубе не закрывали – ни на день, ни на ночь, отчего в доме всегда стоял холод. Дрова клали в печку, но двигать их было

нельзя, так как в печи не было ни одного целого кирпича, а перекладывать печь блаженная не разрешала – для подвига. Маленькую печь она не велела топить, а в большой не давала щели замазывать, говорила: «Не выношу дух глины». Во время пения, когда она глаза закрывала и в избу набиралось много народа, послушницы начинали потихоньку замазывать щели, и тогда блаженная начинала плакать, как малое дитя: «Зачем вы во время пения озоруете?» – «Зачем ты, Дуня, не даёшь замазывать?» – говорили ей на это послушницы. Блаженная не разрешала ремонтировать печь, а народу жаловалась: «Они не замазывают мне печку».

Из послушниц Евдокия никого не допускала к печке погреться, хоть умирай. Только скажет: «А как святые терпели? Вы, здоровые, не можете терпеть, как же я, больная, терплю?» За семь лет до смерти послушницы стали сажать её к печке погреться, но однажды едва не уронили, и после этого она не захотела греться, только чулки её грели. В свободное время или во время молитвы блаженная не давала их греть, а когда послушницы ложились спать, она одну из них будила и просила погреть. Та клала чулки на спину и стояла, прислонившись к печке. В это время блаженная просила молитву читать; две молитвы послушница прочтёт, уснёт и упадёт на пол, и блаженная закричит: «Она меня колотит!» Всех поднимала на ноги, а приходящим жаловалась: «Мои хожалки озоруют, не погреют меня». Бывало, что в одну ночь чулки просят греть, в другую – вшей бить. Даст свечку – и бей. Когда вшей послушница бьёт, читает Богородицу, а только закончит, блаженная закричит: «Не всех убила, ногу вошь кусает!» Во время же молитвенного правила она никогда ни на что не жаловалась, а только ночью, когда все уже спали.

Рубаху блаженная не меняла до тех пор, пока та не истлевала, и происходило это примерно раз в год. С мылом руки она мыла по локоть раз в год, затем ополаскивала их в тазу святой водой; ноги мыла до колен – обольёт, но уже простой водой, а тело никогда не мыла. Голову ей мыли тёплым, разогретым в печке маслом, мыли раз в год, и потому волосы у неё на голове сваялись, как шапка. Через два дня после мытья она меняла рубаху, а грязную вшивую клала на постель.

Печь топили в 7 часов вечера и с 8 часов пели стихиры. В два-три часа ночи Евдокия обедала. Подавали еду ей в блюде, ложку поддерживала послушница, и, когда наливали, она говорила: «Мне больше наливай!» А два-три раза хлебнёт и скажет: «Я устала, отдохну». И пока отдыхает, вроде, как и заснёт, щи остынут, а она потом просит горячих, а их уже нет, и так щи и остаются. Их потом Пелагея доедала холодными. Когда накладывали второе, то блаженная требовала: «Дай мне каши, да с пенками, клади больше». И тоже всё остывало. «Остудила», – говорит, с тем и уснёт. Яиц велела варить по пятку, говорила: «Дай мне три на стол, а два оставь на шестке». А потом опять говорит: «Отдохну». Как только послушницы уснут, она велит яйца снова убрать на шесток.

Особой пищи Евдокия не употребляла и редко когда ела варёный картофель. В последний год перед мученической кончиной послушницы почти совсем перестали топить печь. Щи варили летом у благотворивших им Карасёвых, а зимой дома; в печи ничего не пекли, только яйца, и ни хлеба, ни сухарей не сушили. Рыбу она ела редко, а мясо совсем не ела. А ей приносили всего: и сдобных лепёшек, и вкусного, и сладкого. Всё, что приносили, она делила на две половины – одну отдавала четырём послушницам, говоря: «Вы не гневайтесь, что я всё не даю». Те выказывали недовольство, что их четверо и им мало, и полученное тут же съедали. Оставшееся блаженная складывала в чулок и говорила: «завтра», да так и

оставляла. Хлеб она употребляла от одних и тех же людей, где женщина пекла его с молитвой. Когда хлеб приносили, то послушницы пели тропарь иконе Божией Матери «Иверская»: «От святых иконы Твоя, о Владычице Богородице...» Первый кусок Евдокия отрезала Пелагее, затем Дарье, а третий, всегда меньший, – себе. Остатки она отдавала младшей послушнице. И на следующий день ели сухари натошак. Блаженная говорила: «Кто ест мягкий хлеб, тот не постник. Если постишься, да дорвёшься до мягкого хлеба, это плохо». Всякий кусок хлеба блаженная крестила и говорила: «Христос воскрес!»

После ужина она читала молитвы на сон грядущим и Псалтирь. Когда все улягутся, блаженная просила младшую послушницу принести ей две копеечных свечки, и как только все засыпали, она ограждала свечи крестным знамением; затем ей давали в руки свечу, и она её зажигала. Пелагея в это время грела чулки. И когда обе свечи догорали, она всех поднимала, а Пелагею отправляла спать. В последний год перед смертью она поднимала послушниц, как только одна свеча догорала.

Бывало, Пелагея уснёт и невзначай дверь ногами откроет. Блаженная тогда закричит: «Караул!» Все проснутся и видят, что дверь открыта, а на дворе зима. И Евдокия начинает жаловаться на Пелагею: «Вот, монашки, что делают, двери зимой отворяют! Нарочно хотят меня заморозить». А между тем у блаженной в доме и без открытой двери был такой холод, что в чайнике и в лохани для умывания замерзала вода. Все спали на полу измученные, ничего не чувствуя.

Дом у блаженной был худой. Ей предлагали поставить новый, но она не захотела. Вместо этого она решила сделать двор и спросила о том Пелагею. Пелагея на это сказала: «Сперва надо сделать келью». Блаженная возразила: «Нет, двор». И отправила её отмерить место от старого двора на сажень, а старый двор не велела ломать, а разбирать, чтобы стука от полома не было. И стали строить. Строить она давала только тем, кто не курит. Также просила она Пелагею, чтобы и ограду на её могиле делали те, кто не курит.

Муж с женой, которые стали строить ей двор, были очень бедны, но возили бревна бесплатно и строили всё бесплатно. Сами они во всё время строительства ели лишь хлеб с мякиной. Блаженная как-то позвала их к себе и спросила: «Вы здесь хотите получить награду или в будущем?» Они не захотели брать плату, помолились и взяли у неё благословение.

Врыли они столбы и возвели стены. Блаженная послала Пелагею посмотреть, не косо ли они двор поставили. Та посмотрела и сказала: «Немного косоватый будет». Блаженная заплакала и говорит: «Нельзя ли опять разломать и исправить?» Дарья пожалела этих людей и стала уговаривать Евдокию, чтобы она не заставляла их переделывать, а та и говорит ей: «Ты не вникай, это дело не твоё, пусть Поля сама, как хочет с ними». На что Пелагея сказала: «Никак, Дуня, нельзя, надо рядом врыть другой столб». Блаженная говорит: «Ставьте другой столб». А этот столб был ни к чему, только чтобы не было косо. Супруги строили вдвоем шесть недель, и когда кончили, блаженная призвала их к себе в келью и говорит: «Вот вы мне здесь выстроили, а вам в будущем Господь выстроит». Дала им по кружке воды и по куску ржаного хлеба. В том же году оба супруга скончались. «Ещё бы кто нашёлся, кто бы мне келью построил. Полому чтобы не было, и стуку я не слыхала, а келью бы мне выстроили. Если я стук-то услышу, я не вынесу», – сказала Евдокия. Так она без новой кельи и осталась.

Денег блаженная от юности в руки не брала. Письма, которые ей присылали, она редко читала, на некоторые отвечала, а на некоторые нет. Пока шла воскресная

литургия, Евдокия не велела топить печь. К святыне она приступала строго. Зачастую не давала послушникам приступать после мытья полов или стирки белья, также не благословляла и после бани прикладываться к святыням. Если кто из послушниц наденет лапти или валенки, то весь месяц в них должен ходить, хотя бы было сыро или жарко, а разуться нельзя, в противном случае блаженная не будет есть и пить, и плакать будет. Если они потихоньку разуются, то она всё равно узнает, но ругаться не будет, а будет плакать. Бывало у послушниц за целый день ноги до того отекут, что уже терпеть невозможно, и ноги сырые, а греться нельзя. Весь месяц она не давала послушникам менять бельё или платок. А Пелагею при народе обличала: «Она монашка, а грязная».

Мало кто из посетителей понимал её подвиг и то, как она смиряла послушниц. Евдокия плакала, жаловалась народу на послушниц, но им сама же и велела так делать, на что потом жаловалась. Пелагее она сказала: «Если я тебя при людях буду ругать, ты не смущайся». И при народе начинала жаловаться: «Они меня не моют и рубахи мне не дают». У народа создавалось впечатление, что послушницы её смиряют и мучают, а между тем, всё это делалось по её благословению.

Чтобы скрыть подвиг, например, строгий пост, блаженная говорила: «Ныне нет отрадного дня». И сама в этот день почти ничего не ела и послушникам не давала. Если в колокол ударят, оповещая о чьей-либо смерти, то нельзя было есть. Покойника пронесут по улице, послушницы просят, чтобы разрешиться от поста, а блаженная только и скажет: «Завтра поедим. Молитесь, чтобы завтра отрадный был день». Так и отведёт день ото дня.

Пелагея как-то спросила блаженную: «Дуня, почему ты так к покойникам относишься?» – «Глас Господень, это когда в колокол бьют, объяснил, чтобы молились за рабов Божиих. Такой же брат, такая же сестра, мы все одной крови. Вспомни, что их встретит. Умру, и ты молись за меня», – сказала Евдокия, зная, какая её ждёт кончина. Она говорила, что не только по просьбам того, кто просит, следует молиться, но и о всяком, о ком узнаешь. Блаженная очень боялась загробной жизни, понимая, какая бездна и какие мучения могут ожидать человека, что с ними несравнимы никакие земные страдания. Ужас загробных страданий она переживала так, как ни один старец не переживал.

Пелагея как-то сказала блаженной: «Дунюшка, хорошо, чтобы ты померла». Евдокия заплакала и сказала: «Я лучше здесь на ножах буду лежать». И спросила: «Поля, я умру, ты будешь за меня молиться?» – «Буду», – сказала Пелагея. – «Ну, скажи тогда, как ты за меня будешь молиться?» – «Ежедневно буду читать 150 раз „Богородице Дево, радуйся“». – «А за это отрада будет?» – спросила блаженная. – «Да», – ответила Пелагея. И блаженная этим ответом утешилась.

А бывало и такое. Одна женщина задушила только что родившегося у неё младенца, и случилось это в первый день Пасхи. Пришла она к Евдокии, и, как только вошла, блаженная с головой тулупом закрылась. Женщина принесла ей каравай хлеба и два пуда пшеничной муки. В келье в это время было семь человек, близких блаженной. Евдокия никому не позволила есть этот хлеб, велела чужим отдать, а муку в сенях поставить, где её залило дождём. Женщина эта ничего не сказала Евдокии, и та не обличила её при всех. А Пелагею послала сказать женщине: «Ты не отчаивайся, ведь и разбойника Господь спас. Ты кайся». Женщина заплакала и сказала: «Если узнают, что я родила, то я удавлюсь». Блаженная сказала Пелагее: «Посылай её в Глухово». И как только женщина ушла,

блаженная послала Пелагею её догнать, а глуховскому священнику¹ сказать, чтобы он её поисповедовал и дал ей молитву, и чтобы сам помолился о ней. Свекровь убийцы дала Пелагее кусок белого хлеба, с которым она пришла к Евдокии. Блаженная заплакала и сказала: «Поля, у тебя в кармане зараза лежит». И велела вынести хлеб чужим людям и вымыть карман. Вынесли этот хлеб, помолились, и только после этого блаженная приняла пищу.

Загорелось как-то в доме у Карасёвых, благодетелей, которые пекли хлеб для блаженной. Евдокия тут же послала Пелагею, сказав ей: «Сбегай, Полинька, а то Карасёва сгорит». В это время в доме никого не было, и он был заперт. Пелагея влезла в окошко, залила огонь и вернулась к блаженной. Послушницы спросили Евдокию: «Как ты из её рук есть будешь, когда она пожар заливала?» Но блаженная и за водой Пелагею послала, и ела всё, что та подала. А бывало, что, если кто и головёшку в руки возьмёт, она есть не станет.

А был иной случай. В одном доме, стоявшем неподалёку от дома блаженной, что-то затлелось, трое суток тлело, а всё было заперто. Когда дверь в дом открыли, то увидели, что возле самовара обгоревшая старуха лежит. Вытащили её на луг, и вдруг видит Дарья, что бегают поросёнок. Она говорит блаженной: «Дунюшка, смотри, как поросёнок бегают». Блаженная глянула, но увидела не поросёнка. Закричала она и велела окна и двери запереть крепче и никого не пускать, а потом долго горько плакала и просила перекрестить всё кругом – и двери, и окна, и сутки не пила и не ела. И когда старуху несли хоронить мимо дома блаженной, то по её просьбе занавесили все окна.

Священник Порфирий Кильдюшев

А одного старика блаженная велела ради Христа усердно посещать. Он жил в нищете, едва ли не червями был весь покрыт. А когда умер и его несли хоронить

¹ В Покровской церкви в селе Глухове служил в это время священник Порфирий Петрович Кильдюшев (1877–1937).

мимо дома блаженной, она велела открыть все двери и окна, и сама пела и молилась.

Как-то приехал к Евдокии на лошади со звонкими колокольчиками брат отца Виссариона из Саровской пустыни, его прислала блаженная Паша Саровская¹, а Евдокия его не приняла. «Скажите, что я в больнице», – велела она передать ему через послушниц. На следующий год он опять приехал к Паше Саровской, и та говорит: «Ты обуь лапти и пойдь пешком, тогда она тебя примет». И действительно блаженная его приняла, и он впоследствии слушался её советов и сам много ей помогал.

Блаженная Параскева Ивановна

У одной благочестивой вдовы был сын, который хотел уйти в монастырь. Два раза приходил он к Евдокии и просил, чтобы она его приняла и благословила на монашество. Но она ни в келью его не пустила, ни благословения ему не дала, а просившим за него женщинам сказала: «Пусть он не просится в монастырь, он всё равно жить там не будет». На переданные ему слова блаженной он ответил: «Что же это я, с такой верой иду, а потом уйду?» Он всё же поступил в монастырь и три года жил там благочестиво, считаясь примерным иноком, а затем ушёл в Нижний Новгород и через некоторое время после прихода к власти коммунистов вступил в Коммунистическую партию. Когда он ушёл в монастырь, просившие за него женщины, начали смущаться и говорить между собой: «Вот так блаженная, неправду сказала», но впоследствии, когда всё исполнилось, они вспомнили слова блаженной.

Ксения из селца Курилово тяжело болела, лечилась, но ничто ей не помогало. И она пришла к Евдокии. Та дала ей кусок хлеба, и, съев его, Ксения выздоровела. Сноха её, Евдокия, также тяжело болела, у неё отнялись ноги, и полгода она почти не ходила, уже и врачи от неё отказались. Муж ей сказал:

¹ Блаженная Параскева Дивеевская (Ирина Ивановна; †1915); память 22 сентября / 5 октября.

«Поезжай в Пузу, поворожи». Она согласилась, но украдкой от мужа они поехали к блаженной. Пришли к блаженной, и та спрашивает: «Вы приехали к ворожее?» – «Нет, – говорят, – мы, Дунюшка, к тебе». Тогда блаженная говорит больной: «Сядь на стул». Затем дала ей две чашки чая выпить и сказала: «По вере вашей дастся вам». И с той поры женщина стала здорова.

В селе Верякуши жила женщина по имени Параскева. У неё болел желудок, она совсем не могла есть ржаной хлеб и лишь немного ела пшеничный. Когда она пришла к Евдокии, то та подробно расспросила её про болезнь. Выслушав её, она дала ей ржаной сухарь со своей постели. Параскева сказала: «Дуня, мне нельзя ржаной сухарь есть». Евдокия на это ответила: «Я сама больная, а ем ржаные сухари». Параскева съела предложенный ей сухарь и с той поры выздоровела. Отец Параскевы был человеком богатым, но очень скупым. После исцеления дочери, которая была единственной у него, он построил послушницам Евдокии дом и стал творить много милостины.

Пришли к блаженной две девушки из села Верякуши, Наталья и Мария, и говорят: «Мы не будем больше просфоры печь, нам муки не дают, а у нас есть только то, что в кадушке. Где мы будем брать?» Евдокия им на это сказала: «У вас не будет убывать, только вы милость творите и Богу служите». И, действительно, мука в кадушке у них не убывала. Но стал их враг искушать, как до дома блаженной дойдут, так у них ноги отнимаются, и они возвращаются домой. А как домой вернутся, всё проходит. Однажды они снова собрались. Тоже самое и в этот раз произошло, но только теперь они всё-таки до блаженной добрались и всё ей рассказали. Евдокия на это заметила: «Это враг наводит болезнь, ему не любо, что вы больного посещаете».

Однажды пришёл к блаженной благочестивый мужчина по имени Николай и принёс хлеб. Евдокия велела послушницам принять у него хлеб. Он стоял и молился, пока послушницы пели стихиры, а после этого Евдокия велела вернуть ему хлеб и сказала: «Он тебе нужен». Николай смиренно взял хлеб и направился домой. И среди ночи ему встретилась женщина, которая, судя по её виду, кого-то искала. Он спросил её: «Что ты ходишь среди ночи?» Она ответила: «У меня сын пришёл из солдат, болен, десять домов пробежала и нигде хлеба не нашла». И он отдал бедной женщине хлеб.

Пришли к Евдокии помолиться супруги Никифор и Мария. И среди пения вдруг Евдокия сказала: «Погодите петь, Никифор с Марией уйдут домой». Они говорят: «Дуня, мы будем петь до конца». Тогда Евдокия настойчиво им повторила: «Нет, вам надо идти домой». Вернувшись домой, они увидели, что их теленок запутался головой в цепи, которой был привязан к колышку, и едва не погиб.

Как-то пришли к блаженной помолиться три женщины из села Кремёнки, и она сказала послушницам: «Я их не пущу, мне жарко. Скажите, чтобы они шли скорее домой, мне жарко». Выйдя из села, они увидели – загорелись Кремёнки.

Однажды пришли к Евдокии солдат и женщина. Евдокия долго не пускала солдата, говоря: «Он идёт не с хорошей душой». Женщина всё же уговорила блаженную впустить его. Как только он вошёл в келью, Евдокия сказала ему: «Выбрось из головы всё дурное. Твоя жена очень умная и кроткая, её зря поносят. А корову мать с сестрой продали, а говорят на неё». Услышав это, он, заплакав, сказал: «А я шёл убить её». Евдокия распорядилась накормить его и напоить чаем и посоветовала ему зайти в Саров к преподобному Серафиму и отслужить молебен.

Мать Марии Савельевой испекла для Евдокии хлеб, но нести один лишь хлеб постеснялась, взяла с собой и яйцо. У неё было четверо сирот-детей и сестра в

Дивееве. И она стала думать: «Дунюшке кто-нибудь принесёт, а сестре никто не принесёт, если мы не пришлём». Когда женщина вошла в келью блаженной, та говорит послушнице: «Даша, хлебец-то возьми, а яичко не бери. Она кому ещё отдаст». И яйцо досталось сестре.

Дед Марии Аникиной, портной, собирался поехать вместе с мужиками на заработки в Самару. Жена его пришла к Евдокии за советом. И та ей говорит: «Скажи своему Ивану, чтобы он в Самару не ездил, а пусть едет в Арзамас. Он здесь неделю прошьёт, тебе на пуд хлеба заработает. И ребятишкам каких-нибудь лоскутков добудет: им рубашку сошьёт, штанишки». Иван по совету блаженной в Самару не поехал. Неделю шил и в субботу купил пуд муки. В Самаре на тот момент работы для мужиков не оказалось. Они оттуда едва домой добрались, кто пешком шёл, кто постарался как-нибудь бесплатно доехать. А когда вернулись домой, то сказали Ивану: «Какой ты, Иван, молодец! А мы скитались, на баржах работали. Насилу обратно добрались».

Некая свекровь послала невестку отнести пирожков для блаженной, а её пирожком не угостила. В пути та проголодалась и спрятала пирожок под куст, чтобы съесть его на обратной дороге. Пришла она к Евдокии, а та ей говорит: «Иди, молодушка, а то уж грачи, чай, пирог твой растаскают».

Архимандрит Софроний (Смирнов)

Однажды архимандрит Софроний^к прислал Евдокии на день Ангела написанную им икону Спасителя в терновом венце. Блаженная, как увидела её, так и заплакала. «Архимандрит, – говорит, – а дурак, больному в день Ангела какую

^к Архимандрит Софроний (в мире Сергей Георгиевич Смирнов; 1828–1921), настоятель Арзамасской Высокогорской пустыни.

икону прислал. Надо утешительную, а он скорбную». И отослала икону обратно. Отец Софроний на это сказал: «Ну вот, какое-то у неё является суеверие, она бы какую икону мне не написала, я бы за благодать принял». Но вскоре он ей передал записку: «Помолись, Дуня, за меня, если я до Пасхи доживу и обедню отслужу, то тебе хожалку пришлю, а до Успения доживу, то Царицу Небесную пришлю».

Самой первой послушницей отца Софрония была Александра Михайловна, о ней и писал отец Софроний блаженной, обещая её прислать. Она много лет помогала ему. И как-то начал отец Софроний её гнать: «Уйди от меня, выгоните её, она – воровка, она у нас всё растащит». – «Ваше преподобие, – со слезами говорила Александра Михайловна, – что Вы со мной делаете?» А он знай, её гонит. И Евдокия послала за ней, чтобы взять её к себе погостить.

Привезли её к блаженной совсем больную, она только и говорила: «Дуня, помираю от холода и голода». А блаженная ей в ответ: «Терпи». Александра Михайловна пробыла у блаженной весь пост и выздоровела. Когда она вернулась к архимандриту Софронию, он велел ей готовиться к исповеди, сказав: «Я тебе последнюю обедню отслужу». И другие послушницы, видя это, стали готовиться, но он причастил только Александру Михайловну, и она две недели спустя умерла. Блаженная, узнав о смерти Александры Михайловны, заплакала и сказала: «Отпало у меня правое крылышко».

Когда Александра Михайловна в первый раз пришла к отцу Софронию, он спросил её: «Ты любишь меня?» – «Люблю батюшка», – ответила она. «Ты чего хочешь – вечного или земного?» – «Вечного», – отвечает. «Хочешь страдать, как я, мою скорбь получить?» – «Хочу», – отвечает. И с этого времени у неё на ногах стали образовываться язвы. И ноги у неё болели пятнадцать лет. Но она никому об этом не говорила, а только блаженной, потому что Евдокия сама её об этом спросила: «Сознавайся, какую скорбь ты несёшь? Поли не бойся, она со мной вместе и никому при твоей жизни не скажет».

С Александрой Михайловной архимандрит Софроний посылал для Евдокии всё, что могло ей понадобиться. Однажды он передал ей большой образ Иверской иконы Божией Матери. Когда у его послушницы Веры заболели пальцы, так что почти невозможно было терпеть, он её послал к Евдокии: «Поезжай, Верочка, к Дуне, от Царицы Небесной ты исцелишься». И действительно, приехав к блаженной, Вера исцелилась.

Когда Пелагея в первый раз пришла к отцу Софронию, то он ей сказал, имея в виду блаженную: «Счастливица та, которая благословила тебя идти в монастырь». А затем всё время только и говорил о блаженной, о том, какая она подвижница и светильник, столп от земли до неба, и надо её во всём слушаться и ей подражать. Пелагея поступила в Серафимо-Дивеевский монастырь по благословению блаженной и, живя в монастыре, часто её посещала, а она учила Пелагею смирению и терпению различных обстоятельств. Однажды послала игумения Пелагею в деревню купить лук для посадки. Евдокия же оставила её у себя и продержала две недели, до тех пор, пока не прошло время для посадки лука. После этого послушницам в монастыре велено было бранить и смирять Пелагею, а она лишь молчала и терпела, и всем кланялась в ноги, прося прощения.

Как-то Пелагея принесла Евдокии завернутые в платок просфоры. Этот платок был подарен игуменией – большой, хороший, в то время он стоил сорок копеек. Пелагея передала завернутые в него просфоры и ушла, а сестра её, Варвара, осталась. Блаженная испачкала платок маслом и сказала Варваре: «Отдай ей». Та принесла сестре платок и сказала: «Дуня не велела тебе его стирать». Пелагея

заплакала, жалко ей стало хорошего дорогого платка и подумала: «Ещё прозорливая, блаженная, а этакий платок в сорок копеек, да ещё и подарок матушкин так испортила». И выстирала его, а с ним и несколько носовых платков. Вдруг поднялся ветер и унёс все платки, кроме игуменского. На другой день пришла Пелагея к блаженной, а та её встречает словами: «Прозорливая, а испортила платок в сорок копеек».

В другой раз игумения послала Пелагею с двумя старшими монахинями в Серафимо-Понетаевский монастырь отнести срочное письмо, при этом велела ей нести письмо. По пути Пелагея зашла к блаженной, а та не пустила её идти дальше, а монахини без Пелагеи не идут, потому что письмо у неё и Евдокия не разрешает его передать. Много пришлось потерпеть Пелагее, пока Евдокия не забрала её жить к себе, но здесь ей пришлось смиряться и терпеть едва ли не больше прежнего. По благословению блаженной она осталась в живых и свидетельствовала впоследствии о её жизни.

Живя в монастыре, Пелагея часто посещала отца Софрония. Однажды она пришла к нему, и он ей говорит, имея в виду блаженную: «Что она к тебе привязалась, вшивая девчонка, к монастырскому человеку? Какая же в ней может быть благодать? Никаких у неё уставов нет, заведут они и целый день, и ночь только поют. Грязь у неё, холод, вши. Разве только в этом спасение, в холоде и грязи? И тараканы у неё. В пятницу рыбу она потребляет, в утреню ест, в обедню спит. Вот у меня девушки поклоны кладут, акафисты читают по монастырскому уставу, а она и сама мучается, и ждалок мучает, и всех, кто к ней ходит, мучает». Три раза он это повторил, что блаженная напрасно беспокоит монастырского человека, отрывает его от послушания. «К тебе Дунюшкина-то вошь пристанет, как ты придёшь в монастырь? Тебя выгонят из монастыря-то, скажут: вшивая». — «Я нарочно бросала, да они не пристаю́т», — ответила Пелагея. И отец Софроний сказал: «Кто больных любит, тому великая благодать будет». И, взяв её за голову, сказал: «Я сейчас тебя благословляю к Дуне жить, служи ей, как матушке игумении, не преступай ни одной заповеди её, свою волю не твори, а послушания все исполняй, что она тебе скажет».

Немало было у блаженной скорбей от окружающих. Когда приносили в дом милостыню, она её крестила и пела тропарь «От святых иконы Твоя, о Владычице Богородице...». Как-то принесли милостыню в Вербное воскресенье — к Пасхе творог и поставили его в сенях. Кошки раскрыли принесённое, съели его и все четыре околели, потому что в творог был подмешан мышьяк. Однажды в первый день Пасхи мужчина в злобе перебил все стекла в окнах кельи блаженной, рассерженный на то, что его жена к ней часто ходит. И блаженная лежала в осколках стекла, окровавленная, но не велела убирать, пока не окончат молитвенного правила. Только по завершении правила разрешила убрать. Случалось и такое. Приехали урядники, чтобы созоровать над блаженной, но, покрутившись около её дома, уехали. А бывало, что недоброжелатели бросали камни в народ, который стоял возле дома блаженной в ожидании, когда можно будет войти.

Как-то позвала Евдокия к себе жить Марию из села Кошелиха, которая проводила распутную жизнь, и блаженная спасала её от блуда. Она её очень строго держала. И та начинала ругать за это блаженную. Отругает, а затем упадёт и прощения просит, и начинает кричать: «Меня Бог не простит!» Мария боролась с блудной страстью, но не могла удержаться, чтобы её не удовлетворить. Это было известно всем, и она, не стесняясь, при всех говорила о своей распутной жизни. До

того, как она поселилась у блаженной, она морила своих детей. Падение её началось с того, что она ушла от мужа к священнику, а потом пошла по другим. Блаженная её и уговаривала, и ругала по-всякому, ругала и при народе, а Мария на всё это лишь говорила: «Уйду и удавлюсь вон у вас на дворе». Тогда блаженная начинала её уговаривать и ублажать. А Мария начинала срамить блаженную – когда враг налетал, ничто не могло её удержать. А затем плачет и говорит: «Ты через меня, Дуня, погибнешь, пусти меня лучше в мир, уйду и погибну одна». Но блаженная не отпустила её.

Евдокия пила молоко, которое послушницы брали у одних и тех же людей. Как-то это молоко пролили, и Дарья заменила его другим, думая, что блаженная не заметит. Блаженная выпила молока, и у неё кровь из горла пошла, и она с укором сказала Дарье: «Зачем ты меня искушаешь? Зачем подменила мне молоко?»

Однажды несли для блаженной еду, и кувшин с молоком разорвало. Пришли и рассказали ей об этом, и она сказала: «Это бес, потому что вы без молитвы наливали».

От некоторых людей блаженная ни под каким видом ничего не брала. Послушницы, бывало, её убеждают, говорят, что очень уж просят принять милостыню и плачут. Тогда Евдокия рассказала им такой случай: «Один послушник убеждал старца взять гречневую крупу, а старец не взял, а вместо этого велел послушнику взять и сварить эту крупу. Когда наступило время трапезы, старец попросил у послушника кашу из этой крупы. Послушник пошёл и увидел, что в горшке каши нет, а он полон червей. И тогда старец сказал ему: „Больше меня никогда не убеждай, что мне принять, а что не принять“. Так и вы меня не убеждайте», – сказала блаженная.

Одна из послушниц блаженной, Наталья, взяла у неё без разрешения мёд и заболела, и не только после этого петь не смогла, но и говорила с трудом. Блаженная ей сказала: «Открой, Наташа, ты чего-нибудь у меня тайком съела? Я не верю, что ты простыла, ты заразу съела». Наталья призналась и попросила прощения, и тут же у неё появился голос, и она стала петь.

Сестра Пелагеи, Варвара, когда-то торговала вином, чего блаженная не переносила, ругая всех, кто торгует вином. И вдруг у неё заболела дочь Анна. Варвара слышала от некоторых, что в селе Пуза «отчитывают», и сказала себе: «Пойду у Дунюшки спрошу, как мне быть». И она обратилась к блаженной. Та её обличила и сказала: «Не торгуй вином, тогда дитя здорово будет».

Перестав торговать вином, Варвара изменила свой образ жизни и потом часто приходила к блаженной и служила ей восемь лет. Блаженная ей говорила: «Сейчас потерпишь, потом жизнь будет хорошая». Дочь Варвары, Анна, выздоровела и росла необыкновенным ребёнком. Если ей не давали есть по два дня – она не просила, только молилась: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» И никогда она не садилась за стол без молитвы. Как-то она сказала матери: «Меня приобщите и ведите в Пузу к Дуне». Причастили её Святых Христовых Таин и пошли, и, как только в пузинские пределы вошли, Анна говорит: «Мама, мама, вот и Дуня нас встречает». И хотя Варвара отрицала, что кого-либо видит, девочка упорно настаивала на своём. Когда они вошли в келью блаженной, Анна спросила: «Что их две Дуни-то?» И блаженная спросила её: «Ты за меня, Нюра, молишься?» – «Молюсь», – ответила Анна. И блаженная дала ей просфору.

У Варвары был ещё сын, Михаил, который очень любил блаженную. Сел он как-то раз у реки и попросил: «Господи, дай мне поймать рыбку руками, я бы её тут

же снёс Дуне». И видит, мелькнула большая рыба, он схватил её, посадил в крынку и живую принёс блаженной. Незадолго до мученической кончины блаженной Варвара не взяла его с собой в Пузу, и он плакал и горевал, что не увидел Евдокию в последний раз. И вот однажды, когда убিরались в доме к празднику архангела Михаила, имя которого он носил, а он спал на лавке, он увидел, как вошла в дом блаженная Евдокия, на груди у неё золотые кресты, и одета она, как схимница, и на голове у неё венец, и говорит ему: «Ну, вот, теперь увидел меня...»

Шли как-то женщины из села Бабина и несли хлеб. Их задержали, повели в сельсовет, отняли у них хлеб и стали ругать блаженную. В это время у Евдокии кровь из горла пошла, и она сказала: «Где-то меня клянут». После того, как блаженную убили, у того человека, который ругал её, случилось что-то с ребёнком, ни в больницу нельзя поместить, ни дома одного оставить – бьётся, что есть силы. И увидела его жена сон. Над кельей блаженной висят два пузырька – один с маслом, другой со святой водой. И слышит голос: «Иди и возьми, от этого исцелится твой сын».

Спустя некоторое время пошла сестра Пелагеи, Варвара, в сельсовет за разрешением молоть на мельнице и увидела, как этот мальчик страдает. А мать его спросила: «Не осталось ли у вас после Дуни масла и воды?» – «Есть», – ответила Варвара. И после того, как мальчика помазали освящённым маслом, он утих и недуг у него прошёл. Несмотря на то, что ребёнок выздоровел, родители повезли его в больницу в сельцо Рогожку, и там, лишь только он принял лекарство, вновь началось беснование. Мальчика снова помазали маслом из кельи блаженной, он выздоровел, и больше лекарств ему не давали.

Блаженная строго смотрела на то, если кто чужое утаивал. От таких людей она милостыню не принимала. А о некоторых говорила: «Эти люди приходят меня испытывать». И не велела их впускать. Послушницы тогда начинали её уговаривать: «Хорошие это люди, Дуня». А она знай своё: «Не пушу». Послушницы продолжают уговаривать: «Он плачет, просится. Ты распутных пускаешь, а это хороший человек». На это блаженная только и скажет: «Это не ваше дело». И потом выяснится, что этот человек приходил её искушать. И некоторых странников Евдокия не пускала. Только и ответит им на их просьбы: «Я в больнице». А иным велит через послушниц сказать: «Она у нас спит. Ждите до 2 часов дня». Они, конечно, не хотят ждать и уходят. А иных странников ласково принимала и к благодетелям направляла, чтобы те их накормили и напоили.

Со временем к блаженной Евдокии всё больше стало приходить людей с просьбами помолиться, принося много милостыни – хлеба, муки и других продуктов. Сами подвижницы почти ничего не ели, часть блаженная раздавала нуждающимся, а остальное оставалось лежать. И почти до самой мученической кончины блаженной не портилось, а перед её кончиной стало плесневеть и почти всё рассыпалось в прах.

Дарья об этом хлебе смущалась, что его много копится и он гниёт, и хотела рассказать об этом саровскому монаху отцу Анатолию, который благословил её жить у блаженной. Подобрала она и подруг, чтобы потихонечку в Саров пойти. Настало утро, а она сидит, не может встать – ноги отнялись. Блаженная её просит: «Умой меня». А Дарья ни с места и ничего не говорит, потом только призналась, что у неё ноги отнялись. Евдокия говорит: «Что-нибудь плохо помыслила». Дарья всё рассказала и попросила прощения. Блаженная её простила и сказала: «За это тебя наказал Господь». Дарья исцелилась после того, как её помазали маслом от преподобного Серафима Саровского.

Послушницы о хранившемся у них в избытке хлебе не знали, а когда узнали, заволновались. Евдокия им говорит, показывая на Пелагею: «Я не знала, ведь, что у нас там хлеб. Вы не смущайтесь, вы все будете в раю, ваши добродетели не пропадут, а она будет в аду».

Пелагея на это сказала: «Зачем меня старцы благословили к тебе погибать?» Блаженная ответила: «Замолчи, я буду в аду, и ты в аду». И Пелагея поняла, что это для её смирения блаженная так говорила.

Сахар у Евдокии был и всё было, но послушницам она чай с сахаром пить не давала, и сама не пила. Иногда от тошноты она ела лимон, орехи или огурцы и грибы. Разгрызть орехи она сама не могла и разгрызала ей Дарья.

Подвиг блаженной был настолько суров и не похож на то, как некоторые из послушниц его себе представляли, что иногда у них возникали сомнения – правильно ли Евдокия подвизается. Чтобы разрешить эти сомнения, Дарья позвала схимницу из монастыря, и послушницы стали рассказывать ей о жизни блаженной и говорить, что они смущаются, правильный ли у Дуни подвиг. Прозрев это, блаженная велела Пелагее нанести в сени горшков с червями. Когда все вошли в дом, схимница вышла в сени, увидела горшки и стала проверять их содержимое. Послушницы же не стали объяснять блаженной, зачем пришла схимница и зачем она вышла в сени. Спустя немного времени блаженная позвала схимницу и сказала ей: «Матушка, ко мне все приезжают проверять, все узелки проверят. Придёт время – ничего не останется, а мне за это достанется. Это потащат не узелки, а кровь мою, где что лежит – это всё кровь моя. Умные будут плакать, а кои не в Боге, будут радоваться. Давайте меня вымойте, только другим хожалкам ничего не говорите».

Время было суровое, и бессудные расстрелы были нередки в то время. Если из семьи расстрелянного приходили к Евдокии, то она их не пускала до сорока дней и говорила о тех, кого расстреляли: «Какой бы позорной смерти не предали их, а всё-таки их хоронят, а меня не станут хоронить и в колокол звонить не будут. Господи, Господи, какие люди счастливые, помрут – звонят, а меня, как скотину, в яму свалят. Но этих людей, кои меня расстреливать будут, тоже расстреляют». Верующим она на случай своей скорой смерти наказывала: «Бегите на скит за можжевельником и бросайте под ноги, как меня понесут». Они на это ей отвечали: «Мы не только это, Дуня, мы столько священников призовём тогда». А она им сказала: «Все разбежитесь от меня. На могилку мою почаще ходите. Вы будете плакать на моей могилке, я буду всё слышать, но отвечать не могу». А Пелагее сказала: «Я умру, ты принимай схиму. Я умру, а ты останешься, а если не примешь, то Богом будешь наказана». Пелагея на это ответила: «Я, Дуня, неучёная». – «Кто у меня живёт, все будут учёные. Старайся обо мне молиться, и я там тебя не забуду. Иди в монастырь».

Незадолго до смерти, когда блаженную мыли, она попросила: «Дайте мне рубаху, которую я на смерть приготовила». А послушнице, что ей волосы расчёсывала, сказала: «Ты меня последний раз удержишь...» – «Я до осени доживу, новую жизнь поведу, а вы всякий сам себе хлеб приготовляйте, я вам больше готовить не стану, тогда вам всем легко будет жить», – сказала блаженная и, обращаясь к Пелагее, добавила: «А ты принесёшь мне из Бабина». После расстрела блаженной власти во всех ближайших храмах запретили до окончания сорока дней молиться о ней, а священник Казанской церкви в селе Бабино отец Иоанн Пустынский молился о упокоении души мученицы всё время и в доме, где жили послушницы блаженной, служил панихиды. Впоследствии блаженная исцелила

отца Иоанна. У него очень сильно заболело горло. Пелагея в это время была в деревне Гавриловка и торопилась поспеть к службе. Пришла она к сестре Варваре и спрашивает её: «Обедня будет?» А сестра отвечает: «Батюшка сильно хворает. Скоро умрёт, доктора сказали». Вдруг раздался звон к утрени, и видят они – священник идёт совершенно здоровый. В храме отец Иоанн подошёл к Пелагее и рассказал, каким образом исцелила его Евдокия. Он видел видение. Вошёл к нему сначала апостол Фома, затем преподобный Серафим, старец Никодим и с ними Евдокия, голос которой он слышал, но лица не видел, святые сказали, что это блаженная Евдокия. Коснувшись горла отца Иоанна, Евдокия сказала: «Вставай, здрав будешь, иди служить обедню. Жалко, ты у меня у живой не был».

Через два дня, как блаженную вымыли, стали ей рубаху менять. Народ она выслала – чужих на улицу, а послушниц на хозяйственный двор. Остались лишь Пелагея и Дарья. Евдокия сказала: «Поля, подай мне рубаху». Та подала, но блаженная остановила её. «Ты её сперва на себя надень, а то я боюсь, что она меня задушит, ворот не пролезет», – сказала она. Пелагея на это ответила: «Я недостойна, Дунюшка, чтобы ты после меня надевала». – «За послушание надевай». Пелагея надела рубаху и сказала: «Она свободна, можно». Блаженная надела новую рубаху, а Пелагее отдала ту, что сняла. Через два дня после этого послушницы хотели надеть на неё сарафан, но не смогли. Блаженная говорит: «Вы мне не надеваете». Дарья сказала: «Ты сама не хочешь». Блаженная заплакала, но так и осталась в худом сарафане, не захотела его переодеть, в нём её и расстреляли.

В соседнем селе Глухове жил крестьянин Илья Немцов. В молодости он подолгу ночами молился, постился и вёл благочестивую жизнь. На Ильинском колодце он выстроил часовню и там молился. В Глухове в то время жили благочестивые девушки, которые посещали эту часовню и почитали Илью, как прозорливого и подвижника. Они стали просить блаженную, чтобы она пустила его молиться к себе, говоря, что Илья человек боголюбивый. Два раза он сам приходил к дому блаженной просить, но она не принимала его. На третий раз согласилась, было это приблизительно в 1903 году. После этого Илья стал приходить регулярно к блаженной молиться; он пел молитвы со слезами, со всяким усердием. Глядя на его тогдашнюю жизнь нельзя было и предположить, что он может пасть.

Скопив денег, Илья отправился на Афон и, как говорили, тайно постригся в монашество. На Афоне он прожил два года и привёз оттуда множество разных святынь и икон. Вернувшись в Россию, он поселился в Москве и на деньги, вырученные от продажи святынь, завёл торговлю. Через три года Илья приехал в Глухово, но уже с женщиной, которую выдавал за сестру, а родившегося у них ребёнка за приёмша. Им овладела неудержимая страсть сребролюбия, и больше всего он стал опасаться того, как бы скопленное им у него не пропало.

Поселившись в Глухове, он стал ходить по свадьбам, петь весёлые песни и плясать. Желая вытащить Илью из разгульной жизни, Евдокия посылала за ним, призывая его прекратить вести пагубный образ жизни, но он посланных ею людей избивал. А когда напивался, то приходил к дому блаженной и кричал: «Колдунья!» И поносил её бранными словами. Но когда народ приходил к Евдокии молиться, он притворялся благочестивым и старался украсть то, что приносили люди. Илья стал приходить к Евдокии во время утреннего правила и, желая рассмешить послушниц, а блаженной помешать молиться, начинал что-нибудь изображать. А не пустить его уже было нельзя, так как он тут же начинал угрожать, что донесёт на них начальству.

Илья Немцов

Помогавшие блаженной девушки просили у неё каждая что-нибудь для себя после её смерти, как святыню. Пелагея попросила постель. «Я, – сказала она, – сделаю футляр и поставлю её туда, и будем к ней прикладываться». Илья засмеялся: «Мышиные хвостики будешь казать». Евдокия заплакала и попросила: «Не тронь её, Илюша, пусть она меня успокоит».

Когда в России началась Гражданская война, Илью мобилизовали в Красную армию. Во время отпуска он приехал домой и в назначенный срок не вернулся. Однажды, когда Илья находился в доме блаженной, ей принесли из Дивеева икону Божией Матери «Достойно есть», и все бывшие в её келье стали петь тропарь. В это время в дом вошёл милиционер и сказал: «Вы все арестованы». А затем спросил Илью, почему он просрочил с возвращением в часть. После этого милиционер переписал всех находившихся в доме и потребовал от послушниц, чтобы они отправлялись к месту постоянного жительства.

Илью он забрал в Глухово и поместил в арестное помещение. Когда милиционер пошёл ужинать, то Илью взял с собой. У милиционера не было соли, ставшей тогда большой редкостью, а есть без соли ему было трудно. Илья сказал ему: «Отпусти меня, я десять фунтов соли тебе дам». – «А ты обещаешь завтра к 8 часам прийти?» – спросил милиционер. «Обещаю», – солгал Илья, и милиционер его отпустил.

После этого Илья сразу же побежал к Евдокии, стал плакать и говорить: «Я уйду». Блаженная на это сказала: «Ты убежишь, а нас тогда убьют». В ответ он

нецензурно выругал блаженную и послушниц и сказал: «И пущай». Блаженная замолчала, а Илья стал ещё сильнее поносить и злословить её. И Пелагея сказала: «Пускай, Дуня, он бежит, что он тебя мучает? А Дашку, жену, пусть оставит, тогда с неё спрос будет».

Илья убежал. Дарью, его жену, задержали, а ребёнок остался дома. И тут Дарья сказала, что приведёт мужа, если её отпустят. Её отпустили, она ушла к мужу, и они вместе скрылись.

Ефим Скоробогатов

В 1919 году члену Нижегородской губернской комиссии по борьбе с дезертирством Скоробогатову¹ был выдан мандат, действовавший с 31 июля по 20 августа, в котором было написано, что он командирован в Ардатовский уезд для выявления «организованных банд дезертиров» с правом «проверки документов во всей Нижегородской губернии у <...> мужского населения и всех подозреваемых в уклонении от военной службы и дезертирстве арестовывать и препровождать в распоряжение Нижегородской губернской комиссии по борьбе с дезертирством». В документе говорилось, что «все должностные лица должны оказывать товарищу Скоробогатову должное содействие по выполнению возложенных на него задач. За неоказание содействия товарищу Скоробогатову предоставляется право арестовывать независимо от их служебного положения. На пароходах, переправах и железных дорогах ему, товарищу Скоробогатову, разрешается бесплатный проезд».

Комиссия по борьбе с дезертирством руководствовалась постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны от 3 июня 1919 года, в котором говорилось, что «оперативные тройки», создаваемые в уездах, пользуются правами Военно-революционного трибунала и имеют право «накладывать денежные штрафы,

¹ Скоробогатов Ефим Тарасович (1884-1952). С 1918-го по 1926 год – в Красной армии, куда пошёл добровольцем, занимал должность члена Военного трибунала. С 1947-го по 1949 год – директор водочного завода в городе Каменск-Шахтинский Ростовской области. За несколько лет перед смертью он тяжело заболел и пролежал неподвижно.

конфисковывать имущество, а более злостных расстреливать».

Тройка, исполнявшая функции Военного трибунала и располагавшая своим карательным отрядом в сто человек, которым руководил Кузнецов, вскоре отправилась по деревням и селам Ардатовского уезда. По приезду в населённый пункт красноармейцы устраивали облавы на дезертиров, а Скоробогатов сообщал жителям, какая сумма контрибуции накладывается на данное село или деревню. В случае неуплаты контрибуции брались заложники, и тогда Скоробогатов объявлял, что, если в назначенный срок контрибуция не будет выплачена, – то будет расстрелян каждый десятый из числа заложников.

14 августа, на праздник происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня, милиционер снова пришёл к Евдокии. Постучав в ворота, он спросил, здесь ли находится Илья Немцов. Послушницы сказали: «Нет его у нас». Тогда милиционер позвал понятых, намереваясь обыскать дом. Блаженная крикнула: «Не пускайте никого». Дарья вышла на крыльцо и сказала: «Нет его у нас». В это время Пелагея подошла к воротам и начала молиться Пресвятой Богородице, прося Её покрыть их честным Своим омофором. Затем она подошла к милиционеру и заговорила с ним, а Дарья в это время молилась. «Нет его у нас. Если перелезешь, да найдёшь его у нас, то расстреляй меня первую», – сказала Пелагея.

Вскоре к дому блаженной подошли мужики из села и стали увещевать милиционера: «Не тревожь больного человека». Тот им пригрозил, что отправит заявление в Ардатов, чтобы оттуда выслали отряд искать дезертиров и накладывать на крестьян контрибуцию.

Послушницы уговаривали блаженную пустить милиционера: «Давай пустим, а то он отряд вытребует». Но она на это сказала: «Я его не пущу, а отряду двери открою». Больше они её убеждать не стали, и вскоре приехал отряд, чтобы её убить.

После того, как милиционер ушёл, блаженная сказала: «Надо теперь, Поля, хлеб размачивать и убирать». Пелагея стала убирать хлеб, какой размачивала, какой в землю зарывала, и осталось лишь десять караваев. Затем Евдокия выпроводила послушниц из кельи, остались из них лишь две и три женщины, включая сестру Пелагеи, Варвару. Пропели молитвы. Принесли масло и свечи, платки головные и ручные, всего около трёхсот. Блаженная всё перекрестила и сказала: «Несите в тот дом, туда не придут. Чтобы все на моей могилке в одинаковых платках стояли и пели. Сорок аршин материи десяти человекам на кофты. Масло и свечи берегите и их не жгите, они мне будут нужны».

В субботу, 16 августа, вооружённый отряд из ста человек под командованием Кузнецова прибыл в село Пузу. Вечером того же дня в селе был созван митинг, на котором выступил окруженный охраной из красноармейцев Скоробогатов. Он заявил жителям, что отряд приехал, чтобы их наказать за укрывательство дезертиров, и добавил: «карательный отряд во главе с военным полевым судом... может судить и расстреливать». После этого он объявил крестьянам, что на них налагается контрибуция в 150 тысяч рублей, которую они должны собрать в течение восьми часов, и если не принесут денег в указанный срок, то к ним будут приняты самые суровые меры. Выслушав грозную речь представителя советской власти, крестьяне в молчании разошлись по домам.

Во всё время пребывания в селе красноармейцы размещались в домах крестьян, где кому понравилось, забирая у крестьян провизию и домашнюю птицу. Они обыскивали по своему произволу дома, угрожали оружием, били крестьян плетью и забирали себе приглянувшиеся вещи, не составляя протоколов об

обысках и изъятых вещах.

Начальник отряда Кузнецов и красноармейцы пришли и к Евдокии. Пелагея в это время была во дворе. Евдокия сказала Дарье: «Скажи Поле, чтобы она бежала за мужиками для заступления». Пелагея вышла на улицу и побежала за народом. Когда она вернулась, красноармейцы уже вошли в дом и стали зачитывать документ, в котором были написаны имена тех, кто жил у блаженной. Красноармеец спросил: «Которая Евдокия Шейкова?» Ему показали: «Вот, больная». – «Которая Дарья Тимагина?» Дарья сказала: «Я». – «Которая Мария неизвестной фамилии?» Мария отозвалась: «Это я». – «Анна Ильина хозяйская?» Она была в бане. «Мария кошелевская?» Она ушла провожать сестру. «Где Дарья Улыбина сиушинская?» – «Её здесь нет», – ответила та. «А где Наталья инютинская?» – «Она на родине», – ответили ему.

Село Пуза

Один из красноармейцев стал обыскивать чулан, а другой остался стоять в дверях. Пелагея сказала ему: «Пусти меня, я здесь живу, я не знала, что запись». Он спросил её имя, она назвалась. «Такой в списке нет», – сказал он. Пелагее очень хотелось проститься с блаженной, и она стала просить красноармейца впустить её, но он не пустил. И тогда Пелагея сказала: «Убейте меня вместе с ней, я не уйду». Тогда из дома вышел Кузнецов и, несколько раз ударив её, запер дверь.

Однако Пелагея не ушла, а стала наблюдать за происходящим в доме блаженной через окошко. Она увидела, что Кузнецов нашёл просфоры и освящённое масло и бросил их в лицо блаженной, а затем начал ругать её самыми скверными словами. Евдокия попросила у него прощения, но как только она помянула: «ради Христа», он стал по-всячески ругать Спасителя, и она замолчала. Кузнецов схватил Евдокию за волосы и стал нещадно бить её плетью. Затем он взял восковые свечи и, скрутив по несколько свечей вместе, зажёл, а затем начал разбрасывать по келье иконы и искать деньги. Разбросав иконы, он полез в чулан, но там его укусила за руку крыса, отчего он начал с ещё большим ожесточением избивать Евдокию.

Красноармейцы пришли с Кузнецовым в дом блаженной в 6 часов вечера и

били её до 10 часов. Когда они вышли из дома, Евдокия попросила послушниц: «Унесите меня из кельи». Её понесли в дом послушниц, живших через пустырь. Когда они шли через двор, красноармейцы остановили их и спросили: «Вы куда её понесли?» И стали снова бить блаженную. После избиения Евдокию положили в её келье на лавку.

Били красноармейцы блаженную попеременно всю ночь, били плетью, сталкивали на пол и били ногами, и с утра в воскресенье продолжили бить. Повсюду стояли вооружённые красноармейцы, никого к ней не допускавшие. В воскресенье, в то время, когда в храме окончилась служба, красноармейцы стали выбрасывать из кельи блаженной иконы, топча их ногами. Видя такое надругательство над святыней, крестьяне стали забирать иконы и уносить в храм. Хорошие вещи красноармейцы брали себе, а похуже кидали народу, и люди, схватив какую-нибудь вещь, тащили её в свой дом, а затем прибегали вновь, чтобы успеть ещё что-нибудь взять. В это время с десятков красноармейцев залезли на крышу и стали искать деньги в соломе.

Во всё время, пока растаскивали вещи, красноармейцы беспрестанно били блаженную – и так до утра понедельника 18 августа. А в понедельник через заднюю калитку прошли к ней несколько человек верующих, в это время попался хороший красноармеец. Блаженная попросила: «Меня надо приобщить, позовите священника». Об этом сказали священнику Василию Радугину. Он пришёл со Святыми Дарами, но его не пустили. И тогда он обратился к Скоробогатову и выпросил у него пропуск. Придя к Евдокии, он поисповедовал её и причастил, также и послушниц – за два часа до смерти.

Священник Василий Радугин

Блаженная Евдокия спросила священника: «Батюшка, нельзя ли постараться?» Отец Василий сказал: «Вас убьют, Дунюшка. Нельзя, решили убить». Она говорит: «Батюшка, чай, должен бы суд быть?» – «Они решили промеж себя», – сказал священник.

К этому времени Скоробогатов уже распорядился расстрелять блаженную

Евдокию и послушниц. Красноармейцы снарядили для блаженной Евдокии и послушниц подводу и собрали пузинских мужиков – копать могилу. Жители села вспоминали: вышли послушницы вместе с блаженной, все с чётками, и до того у них были лица прекрасные, что невозможно было смотреть. Церковь была напротив, и они, глядя на неё, перекрестились, и тут же их стали снова нещадно бить. Когда стали бить блаженную Евдокию, послушницы бросились её защищать, кто на ноги, кто на тело. Затем сели на подводу и перекрестились.

На углу дома стоял местный житель Иван Анисимов, бывший в то время неверующим. Он увидел, как на плечи мучениц садится белый голубь и перелетает туда, куда ударяют плетью, так что удар приходился по голубю. Глядя на это, Иван уверовал и сказал: «Теперь бы я последнюю корову отдал, только бы не убивали их». Четверо жителей села, Пётр и Фёдор Карасёвы, Иван Макаров и Никифор Уланов, попытались вступить за мучениц, но и их красноармейцы избили плетями. Блаженная, глядя на это, сказала: «Смотри, как с них грехи сыплются». Пётр Карасёв рассказал впоследствии, что никакой боли от ударов не чувствовал. «Я бы счастлив был, если бы меня ещё раз избили за Дунюшку», – сказал он.

Их привезли на край кладбища и посадили к крестам. Блаженную Евдокию и Дарью Тимагину у одного, Марию у другого, а Дарью Улыбину просто так – все были рядом. Затем стали расстреливать. Сначала приказали стрелять татарину, но он отказался, сказав: «Нет, не буду, у меня руки не поднимаются». Тогда взялся расстреливать начальник отряда Кузнецов. Два выстрела он произвел для устрашения, а третьим – первой убил блаженную Евдокию. Потом стал расстреливать других. Марию он лишь ранил, и один из красноармейцев заколол её штыком.

В тот момент, когда их расстреливали, жительница села увидела, как Евдокия шла по воздуху над своей кельей, благословила это место крестом и сказала: «Жалко, что здесь остаётся один золотой, ну, пусть остаётся». И тогда женщина закричала: «Миленькая, Дунюшка, как же мы теперь без тебя жить будем?»

После расстрела тела блаженной Евдокии и послушниц бросили в общую могилу, как она и говорила когда-то. Перед отъездом из села красноармейцы поручили местным властям следить, чтобы на могилу не пришёл священник и не отпел их. Уже находясь в Ардатове, оперативная тройка в составе Скоробогатова, Мусатова и Крапивина составила задним числом протокол заседания, под которым они все расписались.

Они писали: «При облаве в селе Пуза у дезертира Ильи Немцова обнаружено золота на 225 рублей, серебра на 338 рублей 10 копеек и меди на 36 рублей 57 копеек. За допущение и укрывательство дезертиров гражданами села Пузы: обложить граждан означенного села контрибуцией...»

Блаженную Евдокию и послушниц они обвинили в том, что те укрывали дезертиров и вели антисоветскую агитацию. Составив документ «Об укрывательстве дезертиров и провокационной антисоветской агитации со стороны гражданок села Пузы – Авдотьи Шейковой, Дарьи Тимагиной, Дарьи Улыбиной и Марьи (неизвестной фамилии)», они вынесли им приговор: «Имея все доказательства в злом укрывательстве дезертиров и провокационной антисоветской агитации постановили: означенных гражданок села – расстрелять».

Расстрелявший блаженную Евдокию и послушниц начальник отряда Кузнецов написал: «Доношу, что 18 августа 1919 года мною в селе Пузе приведён в исполнение приговор Комиссии от 17 августа о расстреле четырёх женщин: Авдотьи Шейковой, Дарьи Тимагиной, Марьи (фамилия неизвестна) и Дарьи

[Улыбиной]».

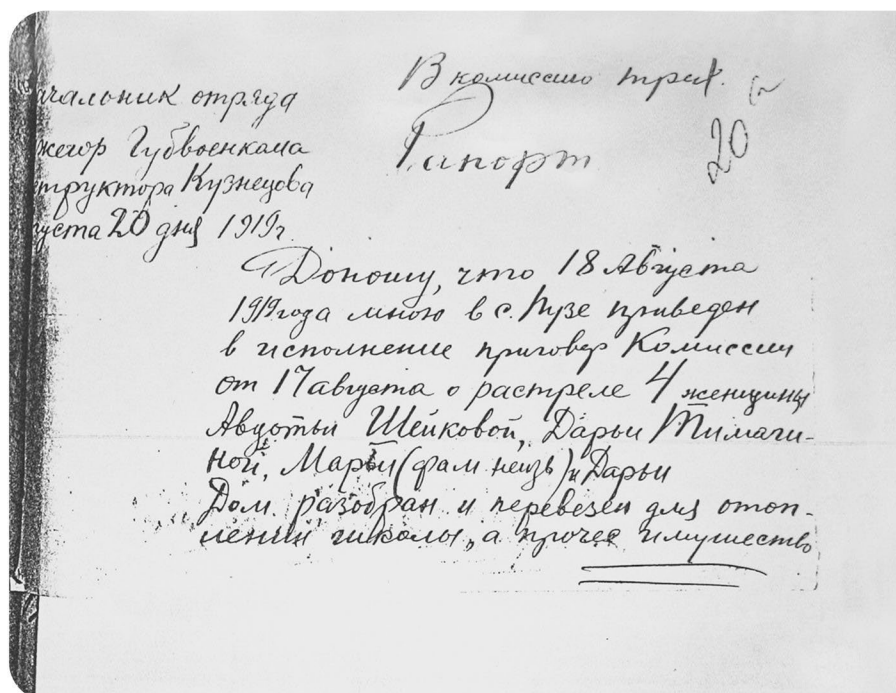

Фото из следственного дела

Злоба к блаженной Евдокии безбожников была так велика, что приехавшие каратели разобрали и сам дом, в котором жила подвижница, отправив бревна и доски от него на отопление школы, а остававшиеся в доме вещи увезли в Ардатов, чтобы никакой святыни в селе не осталось. Так это всё было им ненавистно. Среди прочего каратели забрали из дома блаженной пять пудов лампадного масла и продали его в местный храм.

Диакон из Успенского храма в селе Пуза по имени Иона, поступивший по совету блаженной Евдокии в Оранский монастырь, смутился её смертью, но увидел видение: к могиле блаженной шли тысячи людей, архипастыри и священники и служили на её могиле панихиды.

Однажды блаженная послала Пелагею к монаху Иоанну Ардатовскому и наказала, чтобы она попросила у него белый платок с гранёными краешками. Когда Пелагея вошла к отцу Иоанну, то увидела, что некая женщина в это время принесла ему именно такой платок. Отец Иоанн закрылся этим платком и запел: «Вечная память...» Через три года после смерти блаженной Пелагея вновь была у отца Иоанна и встала ночью помолиться. Вдруг он сказал: «Ложись спать». За послушание она легла и, закрыв глаза, сразу уснула. И видит она во сне священника, служившего в храме в Выездной слободе, отца Иоанна^м. Затем видит, что принесли мантию и стали на постели надевать на блаженную. «Я рада за тебя, Дуня, что ты ангельскую одежду надеваешь на себя», – сказала ей Пелагея. Блаженная подошла к ней, поцеловала её и сказала: «Христос воскрес!» Чётки у неё были голубые, крест серебряный, и она сказала Пелагее: «Больше обо мне не плачь, я среди горнего Иерусалима у престола Божия стою». Пелагея спросила про послушниц, которых с ней расстреляли. Блаженная ответила: «И им хорошо, но только они не со мной». И добавила: «Молись да Иисусову молитву в молчании

^м Имеется в виду протоиерей Иоанн Александрович Веселовский (1876–1937), служивший в храме в селе Выездная слобода Арзамасского уезда до ареста в 1930 году.

читай».

Блаженная Мария Ивановна

Как-то Пелагея пришла к блаженной Марии Ивановне^п, а та говорит: «Моим именем Пуза три раза сгорит». И три раза в ладоши хлопнула. «Вон, – говорит, – Дунины тряпки горят, её кровь догорает».

На третий день после этого разговора в селе случился пожар. И в ту осень три раза горела Пуза. Блаженная Мария Ивановна ругала пузинских: «Предатели, на что Дуню предали, за то-то они Богом наказаны будут». А верующим она говорила: «Ходите к Дуне на могилку чаще – там ангелы поют непрестанно».

Пришла как-то Пелагея к отцу Софронию, и в это время к нему приехали муж с женой, пузинские погорельцы, и стали жаловаться, что у них всё хозяйство сгорело. «Это только ваш хлам сгорел, – сказал им отец Софроний, – а ваше тело не страдало. А как страдала ваша светильница от трёхдневного побоя?! Если бы вы за неё заступились, вы бы не погорели. Все её тряпки в Пузе выгорят, а место её освятится после беззакония». И, действительно, пожар в селе был необыкновенный, горело всё подряд. Этим приехавшим к нему людям отец Софроний сказал: «У вас Дуня выйдет мощами. Такая у вас радость будет в Пузе, нигде такой радости не будет. Вы ходите на её могилку, кто будет болен из вас».

Мученица Евдокия и вместе с ней замученные послушницы стали одними из самых почитаемых святых в Нижегородской области. Сразу же после их кончины люди пошли на их могилу с многоразличными скорбями и нуждами, чаще всего прося исцеления и получая его. Во время гонений на Церковь христиане приходили на могилу мучениц в день тезоименитства Евдокии 1 (14) марта; прося о помощи,

^п Блаженная Мария Дивеевская (Мария Захаровна Федина; около 1870–1931); память 26 августа / 8 сентября.

они брали с могилы снег, а затем, придя домой, пили воду из растаявшего снега и по молитвам мучениц исцелялись. Борясь с почитанием мучениц, власти приносили в эти дни бутылки с чернилами и выливали на снег. Несмотря на жестокие гонения и преследования, в течение десятилетий 5 (18) августа, в день мученической кончины Евдокии и её послушниц, в одном из домов в селе Пуза устраивалась поминальная трапеза.

В 1981 году, задолго до прославления мучениц, автор жития, Мария Краснова из села Бабина и И. Ч. молились на их могиле. И. Ч. страдал тогда от приступа радикулита, и Мария посоветовала ему: «А ты покатайся на могиле и попроси мучениц...» Образованному человеку такой совет деревенской женщины нелегко было исполнить публично, и ему захотелось, чтобы мы ушли. Господь исполнил его желание – мы пошли вперёд, а он остался и последовал данному ему совету. И мучившая его боль тут же прошла.

Крест на могиле мучениц. 1980 год

*Первый день обретения мощей, 4 июня 2001 года.
Священники Василий Леногов и Георгий Павлович (справа)*

*Обретение мощей 5 июня 2001 года.
Профессор Л.И. Верещинский-Бабайлов и игумен Дамаскин (Орловский)*

Игумен Дамаскин (Орловский) и священник Максим Максимов

Священник Василий Леногов

Дети села Суворова у могилы святых мучениц

После обретения мощей мучениц 5 июня 2001 года, село Суворово.

Слева направо: А.В. Буренков, Н.В. Злых (сидит), секретарь Синодальной комиссии по канонизации святых священник Максим Максимов, Д.Б. Синяговский, член Синодальной комиссии по канонизации святых игумен Дамаскин (Орловский), Р.С. Марков, настоятель Успенского храма села Суворова священник Василий Леногов, Р.А. Владимиров, Е.В. Абрамычев, профессор Л.И. Верещинский-Бабайлов

После экспертизы мощей мучениц, 26 июня 2001 года, село Суворово.

Слева направо: Н.В. Злых, матушка Мария Леногова, доктор медицинских наук В.Н. Звягин, игумен Дамаскин (Орловский), кандидат медицинских наук Р.Д. Чемяков, священник Василий Леногов

Раки с мощами святых мучениц. 2025 год

*Мощи мучениц Дарии Тимагиной
и Евдокии Шейковой*

*Мощи мучениц Марии Неизвестной
и Дарии Улыбиной*

Успенский храм, село Суворово. 2025 год

Мученицы Евдокия Шейкова, Дария Тимагина, Дария Улыбина и Мария Неизвестная были прославлены в 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе, подведшем итог мученической эпохе Русской Православной Церкви. 5 июня 2001 года были обретены мощи мучениц и помещены в Успенском храме в селе, где они подвизались.

В тот год, когда мученицы были прославлены, но ещё не зная об этом, к ним за молитвенной помощью обратилась инокиня Неонилла из Седмиезерной пустыни Казанской епархии. У неё от частых гайморитов образовалась флегмона слёзного мешочка, которую врачи предлагали лечить хирургическим путём. Она обратилась с просьбой об исцелении к мученице Евдокии. Она знала, что с блаженной пострадали её послушницы, но никак не могла вспомнить их имён.

Неонилла приложила к голове платок, смоченный в воде, в которой была земля с могилы мучениц, и уснула. А на утро флегмона исчезла. Своей радостью Неонилла поделилась с паломницей-монахиней, и та назвала имена мучениц и сказала, что они недавно были прославлены, и подарила ей их житие.

Некий человек по имени Алексей бедствовал и, зайдя в Успенский храм, где находились мощи мучениц, обратился к ним с просьбой о помощи. После того, как он помолился, к нему подошёл совершенно незнакомый человек и предложил столь необходимые ему на тот момент деньги. Впоследствии Господь благословил его трудиться в этом храме, что стало для него большой отрадой и утешением.

Валентина Васильевна Андреева из города Чебоксары свидетельствовала об исцелении своего мужа, Василия Андреевича; у него случился инсульт, после которого парализовало руку и ногу. Вызвали врача. Врач оказалась верующей и предложила обратиться с просьбой об исцелении к святым мученицам Евдокии, Дарии, Дарии и Марии и прибегнуть к святыне с могилы мучениц. Скорая помощь увезла Василия Андреевича в больницу, где были проведены исследования, выяснившие, что до этого у него было уже два инсульта и положение его критическое. Валентина Васильевна стала ухаживать в больнице за мужем, обращаясь за молитвенной помощью к мученицам и давая мужу с их могилы святыню. И по вере просившей все последствия инсульта прошли.

Как свидетельствуют паломники из Краснодара, отправившиеся группой в сорок человек в Серафимо-Дивеевский монастырь на празднование 100-летия прославления преподобного Серафима Саровского, 1 августа по дороге в Дивеево они заехали в село Суворово, чтобы помолиться у мощей святых мучениц. Когда стали подниматься по пригорку в храм, то отчётливо услышали, что идёт служба, священник произносит возгласы и хор поёт на два клироса. Услышав, что богослужение уже началось, паломники ускорили шаг. Но, войдя в храм, они увидели, что службы в нём нет – в это время настоятель храма служил в Дивеево и суворовские прихожане тоже отправились на празднование памяти преподобного Серафима Саровского. Такие же случаи бывали и с паломниками из других городов.

Память мучениц Евдокии Шейковой, Дарии Тимагиной, Дарии Улыбиной и Марии Неизвестной совершается 23 мая (5 июня) и 5 (18) августа.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Архимандрит Дамаскин (Орловский). «От подвига юродства – к подвигу мученичества». Житие мучениц Евдокии Шейковой, Дарии Тимагиной, Дарии Улыбиной и Марии Неизвестной. Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Москва. 2025.